

Наталья Резник

Библиотека журнала «ИНТЕРПОЭЗИЯ»

НАТАЛЬЯ РЕЗНИК

УХОДИТЬ НАЛЕГКЕ
Избранное

Библиотека журнала «ИНТЕРПОЭЗИЯ»

2019

Резник Н.

Уходить налегке. Избранное. – NUMINA PRESS,
Калифорния, 2019. – 40 с. – (Библиотека журнала
«Интерпоэзия»).

© Наталья Резник, 2019

© Интерпоэзия, 2019

* * *

Стихотворение живет
В цепи мучительных беззвучий,
Освободиться ищет случай,
Никем не узнанное, рвет
Пространство, тянется тревожно,
Еще не воплотившись в речь.
И нужно только осторожно
Его из воздуха извлечь.

* * *

Из меня вырываются сотни кошмарных зверушек,
И рыдают, и просятя вон, в окружающий мир.
Это значит: я выросла, кончилось время игрушек,
Пионерии, школы, дворов, коммунальных квартир.
Это значит, закончилась прошлая жизнь

понарошку,

Та, где мама и папа, с которыми все нипочем.

Да, я взрослая: чищу на собственной кухне

картошку,

Двери в собственный дом открываю своим же

ключом.

И чудовища эти, которых не сыщешь капризней,
Бьются, мечутся, просят чего-то, исходят слюной.

Как я выросла поздно из детской игрушечной

жизни!

И чудовища странные выросли вместе со мной.

Их незрячи глаза, а их зубы огромны и остры.

Слишком тесно во мне. Слишком громко рычат

и ревут.

Выпускаю наружу безумных некормленных

монстров.

Если рядом стоишь, не взыщи – и тебя разорвут.

КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ

Пишет красавица чудовищу письмо
Про хозяйство, детей, завтраки и обеды,
Мол, ты уж расколдуйся как-нибудь пока само,
В этот раз, к сожалению, не приеду.

Отвечает чудовище красавице,
С трудом заставляя писать свою мохнатую руку:
«Рад наконец от тебя избавиться,
Видеть тебя не могу, проклятую суку!
Не приезжай, ненавижу тебя все равно
За то, что устал столько лет без толку дожидаться,
За то, что понял давным-давно,
Что не в силах самостоятельно расколдоваться».

Пишет красавица чудовищу: «Не хочу тебя
больше знать,
Гад, мерзавец, подлец! (и всякие другие
ругательства).
Ты же обещал, что всю жизнь меня будешь ждать.
Не ожидала от тебя подобного предательства.
Будь ты проклят, невменяемый зверь.
Ты же клялся, что будем непременно вместе.
Ну, держись, завтра же приеду теперь,
Выдерну остатки твоей свалявшейся шерсти».

Пишет чудовище: «Прости за звериную
бесчеловечность,
Я же чудовище, человечности не учился.
У меня впереди в самом деле целая вечность,
Не знаю, почему внезапно погорячился».

А жена чудовища говорит: «Опять пишешь своей
одной?»

Хочешь со свету меня сжить, урод и скотина?»
И чудовище плачет рядом со своей женой,
А она чешет ему его горбатую спину.

А красавица читает ответ,
Меняет дату на затертом билете,
Как обычно, встает чуть свет,
Работает, готовит, улыбается детям.
И сходит, сходит, сходит, сходит с ума
До следующего письма.

СИНЯЯ БОРОДА

В деревне у нас говорили, что я горда,
Независима, свободна и весела,
Пока не пришел Синяя Борода,
Сказал: «Пошли со мною». И я пошла.
Он запер меня в своем огромном доме,
Приходил иногда ночами как муж к жене.
Он делал со мной такое, что никому
Я б не позволила в самом кошмарном сне.
А потом он себе другую найти решил,
Потому что был молод еще и вполне здоров,
И однажды ночью он меня задушил
И сбросил около дома в глубокий ров.
Нас тут много таких, мы частенько его честим:
Мол, маньяк и убийца без совести и стыда.
И сумел же вокруг пальца дурочек обвести,
Вот если б опять, так мы бы с ним никогда!
Я тоже в этом клянусь на чужой крови,
Которая с грязью смешалась в проклятом рву,
Но если придет и скажет он: «Оживи», –
Клянусь, что в ту же минуту я оживу.

НЕВСКИЙ

Невский состоит из шумов и обрывков слов,
Толпы, автобусов, машинных гудков.
Я лечу по нему над тысячами голов,
Над устойчивой враждебностью трех веков.

Я чужая здесь, быть не могу чужей,
Боюсь, что меня давно выдают уже
Голос, глаза, нос, форма ушей
И запись ужасная в паспорте – «ПМЖ».

Я волос, как сказал поэт, не брала у ржи,
Я вообще легко приживаюсь в любой среде.
Мне все равно, все равно, все равно, все равно,
где жить.
Но я не могу родиться больше нигде.

* * *

От ностальгии нет лекарства,
Хоть водку ведрами хлещи.
Перед глазами красный галстук,
В столовой школьной снова щи,
Тарелка липкой каши манной
И с сухофруктами компот.
Внизу, в медпункте, Марь-Иванна
Освобожденья выдает
Девчонкам, у которых ЭТО,
Что нездоровы, так сказать,
Гигиенических пакетов
Поскольку просто не сыскать
В аптеках, как и в магазинах,
Где полки девственно пусты
И загибаются в корзинах
Морковки хилые хвосты.
Запущенная коммуналка,
Полураздолбанный трамвай...
И так всей дряни этой жалко –
Хоть водку пивом запивай!

* * *

Жил человек без походки, лица и почерка,
Без своих поражений, бед своих и побед.
Он в начале анкеты каждой ставил три прочерка,
Да он и не заполнял никаких анкет.

У него не было номера телефона, не было дома,
Не было прошлого, города и страны,
Не было родителей, друзей и знакомых,
Первой жены и уж точно – второй жены.

И этот человек, безликий, безымянный,
бездомный,
Которого я придумала, как друзей сочиняют дети,
Он меня любил такой любовью огромной,
Какой не было и не будет никогда на свете.

* * *

Бык устал от матадора,
Ноют бедра и бока.
Что он бегаёт так скоро,
Машет тряпкой для быка?

Что ногой зигзаги чертит,
Тряпкой бешено трясёт,
Что он носится со смертью
Да никак не принесёт?..

Бык израненною кожей
Всею чувствует: пора.
Смерть пораньше, смерть попозже...
Что за глупая игра!

Что бравировать отвагой
И затягивать сюжет,
Ждать, поигрывая шпагой?
Разом в горло – и привет.

Смерть твоя под носом кружит,
Что валандаешься с ней?
Дальше будет только хуже:
И противней и больней.

Но пока дрожат колени,
Бьётся музыка в крови,
Будешь бегать по арене,
Хоть ты сам быком реви.

Шоу начато не нами,
И не нам его прервать.
Нам – сходиться временами,
Драться, плакать, доживать.

ХАНУКА

Через сорок-пятьдесят лет,
Если меня «Абсолют» не сведет в могилу,
Я возглавлю семейный обед
Под какую-нибудь «Хаву нагилу».
Стоя одной ногою у райских врат,
Буду невнятно шамкать родным и близким
Про давно потерянный Ленинград
На ломаном полузабытом английском.
И мои веселые юные правнуки,
Освещая менорой праздничный стол,
Прощебечут: «Бабушка, хэппи ханука!»
А я им: «Ленин. Партия. Комсомол».

* * *

Лечу самолетом из Денвера до Нью-Йорка,
Кучевых облаков пронзая торосы,
Думаю: я когда-то была комсоргом,
Собирала комсомольские взносы.

«Две копейки, – говорила Мелентьеву грубо, –
Вылетишь из комсомола иначе».
У него, как всегда, был один рубль,
У меня, как всегда, не было сдачи.

Потом заполняла ведомость кое-как, убого,
Относила в комитет комсомола.
В ведомости сразу искал фамилию Коган
Не-помню-как-звали – комсорг всей школы.

«С кого денег в этот месяц насобирали? –
Спрашивал меня, улыбаясь косо. –
О, Коган-то не уехала в свой Израиль,
Все еще платит комсомольские взносы».

Где это было, в какой идиотской пьесе,
В театре какого провинциального пошиба?
«Спасибо», – на выходе говорю стюардессе.
И она, улыбаясь, по-английски отвечает «спасибо».

* * *

Приезжай на Московский, я все еще там,
Я только что вернулась из Туапсе.
Один кавказец ходит за мной по пятам,
Пойдем, говорит, угощу кофе глясе.
Но я не иду: мне всего двадцать лет,
И я вообще боюсь незнакомых людей.
А ты опаздываешь. Опаздываешь на двадцать лет,
Ты двадцать лет шляешься неизвестно где.
Приходи, иначе не будет здесь больше моей ноги,
Мне страшно представить, что я без тебя ушла,
Что я ушла давно и совсем с другим,
И даже не помню точно, кого ждала.

* * *

Пьяный бомж храпит на остановке
(Гол татуированный живот).
Леди на его татуировке
Будто жизнью собственной живет.

То она взметнется горделиво,
Грудь подставив солнцу и ветрам,
То она поморщится брезгливо,
Прикрывая пальчиками срам.

Было время, вздохами встречали
Взлеты нарисованных сосков,
Только грудь, высокая вначале,
Растеклась кругами вдоль боков.

Но не плачет черными слезами,
Избавленья леди не зовет.
А покуда жив ее хозяин,
Леди дышит. Дышит и живет.

Разные она видала виды,
Испытала всякого житья.
Вдох и выдох, леди, вдох и выдох.
Так и я, родная, так и я...

* * *

В чем сила, брат? Она в молчанье,
Она в ненаписанье слов,
В неколебимом незвучанье
И нерушимости основ.
Она таится в недвиженье,
Железном сжатии клещей,
В неотдаленье, несближенье
И неизменности вещей.
Но лишь одно мгновенье дрожи,
Один неразрешенный звук
Стальную силу уничтожат,
Опору выдернут из рук.
И, как ни соблазняют черти,
Будь тверже, чем земная твердь.
Ты понял, брат, что сила в смерти?
Неуязвима только смерть.

ОТЕЦ

Горы, язык и люди –
были не наши.
Я говорила: «Я русская.
Отпустите
домой, домой, домой».
Только ты понимал,
пока и сам не лег
недалеко от дома, дома, дома...
В трех кварталах.

И из чужой земли американской
в меня пророс.

НИМФА

Безголова она и безрука.
Ей две тысячи с гаком в обед.
И ни мужа, ни сына, ни внука...
У нее даже имени нет.

Что потеряно, верно, разбито.
Меж домов прорастает трава,
Где кусками под землю зарыта
Молодая ее голова.

Ты в своей беломраморной пудре
Размышляешь о римских пирах.
А ее совершенные кудри
Рассыпаются в мраморный прах.

Сколько лет еще, двести ли, триста
Безголовой стоять неглиже?..
Невдомек ей. Но жалко туриста:
Он не знает, что умер уже.

* * *

Когда меня выдумывали боги,
Не то по пьяни, а не то от скуки,
Они мне криво прикрутили ноги,
Они мне косо привинтили руки.
Не в этом, – говорили боги, – сила,
А знали б в чем, себе бы силы взяли.
Я голову и мыслей попросила.
Хороших не осталось, – мне сказали.
Моих богов творения убоги,
А я – на фоне многих неудача.
Хоть бога нет, ко мне приходят боги.
Мы вместе сочиняем, пьем и плачем.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Успокойся, мой мальчик,
И ложись на бочок.
Слышишь, жалобно плачет
Колорадский жучок.

Он мечтает, как дети
О стране дураков,
О заветной планете
Нежеланных жуков,

Где пристанище жучье
И жучиный уют.
Их там дети не мучат,
Птицы их не клюют.

Там жучиным вещает
Он своим языком
И себя ощущает
Настоящим жуком.

Засыпай, мой любимый.
Жук силен и здоров.
Обойдется без мнимых
Жуковатых миров.

Не печалься, отрада.
Утекает вода.
А жучок в Колорадо
Навсегда, навсегда.

ПРО КОМАРА

Я придавила комара,
Он умер горестно и тихо.
Сегодня у его одра
Уже рыдает комариха.

Ей гости в трауре несут
Нектара – помянуть супруга –
И вдвое чаще кровь сосут,
Мстя за потерянного друга.

Тоскливо сыну-комару,
Черно жилище комарово,
А я гуляю по двору,
Толста, румяна и здорова.

Пою: «Парам-парам-парам,
Нет справедливости на свете,
Свою кровью комарам
Другие за меня ответят».

Другие отдадут долги,
Которые моими были.
А разве мы не мстим другим
За тех, что нас недолюбили?

Мы так, как комары сейчас
Кусают тех, чья ближе кожа,
Пьем кровь у тех, кто любит нас,
За тех, кто раньше уничтожил.

ТРАВИАТА

Где-то в голоде и холоде
Дети мрут без провианта,
А в моем уютном городе
На экране Травиата.

Ты в бреду, горячке водочной
Подымаешь за сараем,
Мы в агонии чахоточной
Театрально умираем.

Ой, беда моя неновая,
Декорация складская...
Что ж настойкою вишневою
Я так страшно истекаю?

ТОСКА

Где тебя, художник, носит,
Молодая голова!
Где ты, мой Каварадосси?
Нарисуй, пока жива.

Время быстро выедает
Золотую пухлость щек.
Только чудом не седея,
Не иссохшая еще.

Время сыплется проворно
В бездну тоненьким песком.
Нарисуй мне локон черным,
Быстрым, порванным мазком.

Локон черным, плечи белым,
Как бывает у актрис.
Нарисуй перед расстрелом,
Перед первым криком «бис».

Хорошо в разгар карьеры
Понарошку умереть.
А у нас одна премьера,
И финита ля комедь.

* * *

Наш нерожденный ребенок играет в песке.

Губы в молоке,

Ведерко в руке.

– Мама, – он говорит и громко смеется.

Ты его видишь? Я вижу. Что еще остается.

Двигаться беззаботно, уходить налегке.

* * *

Поэзия должна быть глуповата,
Поэт – дурак, а поэтесса – дура,
Такая, что бледна и полновата,
По ней со школы плачет физкультура.

Тупой поэт напиться должен в стельку
И соблазнять тупую поэтессу,
Тянуть с плеча помятую бретельку,
Возить ладонью по брюшному прессу.

Они должны проснуться на рассвете
И осознать с завидным постоянством,
Что нету счастья в промискуитете
И не спасешься беспробудным пьянством.

Должны плоды минутного позора
Годами пожинать.
Когда б вы знали, из какого сора...
А лучше вам не знать.

* * *

В колорадском лесу масленок
Телом в почву уютно влип.
Рядом жметя его ребенок –
Небольшой желторотый гриб.

Так бы жили ныне и присно
Под корнями родного пня,
А над ними уже нависла
Неизбежная пятерня.

Думал здесь дожидаться гниенья?
Как ты, гриб, безнадежно глуп.
Сын твой канет в наши соленья,
Ты провалишься в русский суп.

Там, в кастрюле, народец братский
Вспоминает былые пни.
Гордый горный гриб колорадский,
Привыкай, варись, извини.

Не тоскуй о своей грибнице,
Из которой тебя сорвут.
Жизнь бывает и в загранице.
В супе тоже грибы живут.

* * *

Независимо и гордо
Жил, от радостей далек.
Взял и, перерезав горло
Сам себе, в могилу лег.

Мы таких видали гордых,
Что несчастной смертью мрут.
Полежать в могиле – отдых.
Дострадать – тяжелый труд.

Я бы так же, я бы тоже,
Отрыдав, упала в гроб,
Если бы не свежесть кожи,
Если б не горящий лоб,

Если б не больная память,
Не дыханье за стеной,
Если бы не страх оставить
Без присмотра шар земной.

* * *

Мое пальтишко в клеточку
На вешалке ищи.
Мою с картошкой сеточку
На кухню затащи.

Мою зарплату скудную
На столик положи.
Про жизнь свою паскудную
Под водку расскажи.

Газетки да журнальчики,
Программы новостей,
Ах, девочки да мальчики
Без собственных детей.

Квартирка коммунальная
В комплекте со страной.
Америка двухспальная
В галактике иной.

Картошечка сопливая
Да рыжая вода.
Действительность счастливая,
Теперь и навсегда.

Давай, держи, кудрявая,
Равнение в строю.
Мы со своей державою
Увидимся в раю.

ДАЛИЛА

Тяжелый день сегодня у Далилы.
Хватало ей с евреями грызни.
Уже, казалось, все мосты спалила –
Опять пойдя Самсона соблазни!

Пускай падет, лишившись чудной силы,
К твоим ногам доверчивый еврей.
Стенай, вздыхай и лги ему, Далила,
Старайся ради родины своей.

Что ищут в страсти глупые мужчины,
Далила, что они находят в ней?
Прильни к земле горячей Палестины,
Она мужчины всякого нежней.

И у меня земля была, Далила,
Мучительный и невозвратный сон.
О, боже мой, как я ее любила!
Так, как тебя желает твой Самсон.

Я удобряла нежностью коровьей
Холодный край березок и осин.
Но из бесплодных выросла любовью,
Из Палестин, Америк и Россий.

* * *

Только взяли по сто
Выпить за страну,
Как Елагин остров
Двинулся ко дну.

Нет прекрасней спорта –
Вместе со страной
Задохнуться к черту
В толще водяной.

Горе – на бумаге
Пережить страну.
Утони, Елагин,
Обратись в волну.

.....

Где по Петроградской
Ходишь стороне,
Там мой город адский
На далеком дне.

* * *

Он был сутулый и ревнивый,
Кусал подушку по ночам,
Но вид небрежно-горделивый
Его наутро выручал.

Он днем веселый появлялся,
Друзей веселых забавлял,
Курил, шутил и улыбался
И даже спину распрямлял.

И знали только ночь и стенка,
Его подушка и кровать,
Как он умел, поджав коленки,
Во тьму бессонно завывать,

Он был открыт и безобиден,
Весь на ладони – на, бери,
Когда бы кто-нибудь увидел,
Как он сутулится внутри.

И мне за плечи осторожно
Его обнять не суждено.
Я б рядом с ним была, возможно,
Когда б мы не были одно.

БАБОЧКА

У бабочки такая короткая жизнь:
Только родишься – уже пора на покой.
Давай, бабочка, живи, летай, торопись,
Люби бабочку, бабочка, пока молодой.

У нее в дрожащих устах сладчайший нектар.
В мини-груди нерозданное тепло.
Пока не смертельно болен, немощен, стар,
Хватай крылом трепещущее крыло.

Куда мы ни мчимся, все – к одному концу.
Так мчись смелее, мой красавец лихой.
Щедрее трать серебряную пыльцу.
Завтра ты станешь бабочковой трухой.

Трухой и пылью ляжешь в наших горах
Под глупым и свежим безымянным цветком.
И я, поливая слезой насекомый прах,
Знать не смогу и не буду, плачу о ком.

* * *

Говорят, я родилась в футболке
С номером счастливым на спине.
Да и не такие кривотолки
С юности гуляют обо мне.

Что, мол, раны леской зашивала,
Голову о камни раскроив,
И сердца мужчинам разбивала,
Зельем приворотным опоив.

Говорят, с рождения не плачу,
Что у Бога выпросила рост
И хватаю редкую удачу
За ее неуловимый хвост.

Будто бы меня двадцатилетней
Век хранит целебная вода.
В эти вот нелепейшие сплетни
Умоляю верить, господа!

СОДЕРЖАНИЕ

«Стихотворение живет...»	7
«Из меня вырываются сотни...»	8
КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ.....	9
СИНЯЯ БОРОДА.....	11
НЕВСКИЙ.....	12
«От ностальгии нет лекарства...»	13
«Жил человек без походки, лица и почерка...» ..	14
«Бык устал от матадора...»	15
ХАНУКА.....	17
«Лечу самолетом из Денвера до Нью-Йорка...»..	18
«Приезжай на Московский, я все еще там...»	19
«Пьяный бомж храпит на остановке...».....	20
«В чем сила, брат? Она в молчанье...»	21
ОТЕЦ.....	22
НИМФА.....	23
«Когда меня выдумывали боги...»	24
КОЛЫБЕЛЬНАЯ.....	25
ПРО КОМАРА.....	26
ТРАВИАТА.....	27
ТОСКА	28
«Наш нерожденный ребенок играет в песке...» .	29
«Поэзия должна быть глуповата...»	30
«В колорадском лесу масленок...»	31
«Независимо и гордо...»	32
«Мое пальтишко в клеточку...».....	33
ДАЛИЛА.....	34
«Только взяли по сто...»	35
«Он был сутулый и ревнивый...»	36
БАБОЧКА.....	37
«Говорят, я родилась в футболке...».....	38

Серия «Библиотека журнала «ИНТЕРПОЭЗИЯ»

Наталья Резник

УХОДИТЬ НАЛЕГКЕ

Избранное

Редактор серии *Андрей Грицман*
Ответственный редактор *Вадим Муратханов*
Дизайн и верстка *Янина Гоцульская*

Подписано в печать 12.12.2019

Interpoezia, Inc.
210 Riverside Drive, Suite 6D
New York, NY 10025
USA
e-mail: editor_interpoezia@hotmail.com

